

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕНДЕРНОЙ КАРТИНЫ МИРА МОЛОДЕЖИ: ИССЛЕДОВАНИЯ 1996–2023 гг.

Наталья Александровна Нечаева (n_nechaeva@yahoo.com)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Цитирование: Нечаева Н.А. (2024) Амбивалентность как характеристика гендерной картины мира молодежи: исследования 1996–2023 гг. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(4): 123–148.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.5> EDN: KTZOJD

Аннотация. Рассматривается трансформация противоречивой гендерной картины мира молодежи, содержащей черты как традиционных, так и современно-эгалитарных взглядов на положение женщины и мужчины в семье и обществе. Эмпирической базой послужили исследования, проведенные автором в 1996, 2007, 2014 и 2023 гг. Структура гендерной картины мира представлена тремя уровнями — гендерными идеалами, общими диспозициями и ситуационными установками. Результаты исследования показали, что все эти структурные уровни изменяются гетерохронно, но непротиворечиво. Проведен анализ группового и индивидуального противоречивого гендерного сознания. Показано, что нет оснований говорить о поляризации представлений групп молодежи о проблемах гендерного равенства в семье и общественной жизни. Проанализирована амбивалентность как характеристика гендерной картины мира молодежи. Противоречивость на индивидуальном уровне нашла отражение в синдромах характеристик разной степени несовместимости — в амбивалентных и квазиамбивалентных гендерных представлениях. Предложен подход, заключающийся в анализе амбивалентности на разных уровнях гендерной картины мира. Установлено, что весь период с 1996 по 2014 г. характеризовался постепенным возрастанием числа носителей амбивалентных гендерных и семейных взглядов. К 2023 г. выявлена новая тенденция трансформаций — на уровнях общих диспозиций и особенно ситуационных установок по ряду показателей зафиксировано резкое падение количества тех, кто придерживается противоречивых представлений с одновременным увеличением доли юношей и девушек, поддерживающих гендерное равенство в семье и обществе. Это дает основание полагать, что проанализированный период является переходной стадией амбивалентного гендерного сознания.

Ключевые слова: гендерная картина мира, амбивалентность, гендерные идеалы, общие диспозиции, ситуационные установки.

Введение

Глобальные общественные реформы 1990-х годов стали катализатором изменений во взглядах и поведении людей в различных сферах жизни, в том числе вызвали трансформации гендерных и семейных отношений. Особую роль в становлении представлений о том, каковы должны быть эти отношения, играет период вступления во взрослую жизнь — интервал от 17 до 25 лет. «Это так называемые наиболее впечатлительные годы (*impressionable years*), когда люди более всего восприимчивы к социальным изменениям. Опыт, накопленный в процессе социализации именно в этот период, оказывает фундаментальное формирующее влияние на всю оставшуюся жизнь, в течение которой люди становятся все менее и менее восприимчивыми к изменениям» (Радаев 2020: 38). У каждого поколения молодежи этот период связан с определенной эпохой, которая оказывает влияние на то, как воспринимается и оценивается то положение, которое мужчина и женщина должны занимать и занимают в семье и обществе.

В целом установлено, что «процесс модернизации носит нелинейный характер. Он представляет собой не бесконечное движение в одном направлении, а имеет “точки перегиба”, когда преобладающее направление эволюции меняется. В результате модернизация проходит ряд этапов, каждый из которых приводит к характерным для него изменениям в мировоззрении людей» (Инглхарт, Вельцель 2011: 17). В целом это так, однако еще много нерешенных вопросов относительно того, каковы механизмы протекания этих процессов; какое время необходимо, чтобы произошли изменения; как конкретно это происходит в различных сферах жизни.

Общие цели наших исследований заключаются в том, чтобы на основе эмпирических данных зафиксировать, каким образом осуществляется трансформация гендерных картин мира молодежи; в результате каких закономерностей и в течение какого временного периода осуществляется переход от традиционно-патриархатных взглядов на положение мужчины и женщины в семье и обществе к современно-эгалитарным. Какие «точки перегиба» существуют в этом движении? Каковы в итоге к настоящему времени взгляды молодежи на то, какой должна быть семья, каких норм должны придерживаться мужчины и женщины и какие роли играть в современной жизни?

Наша работа началась в 1994 г. (первые пилотажные опросы) и продолжается до сих пор. За это время было проведено пять исследований по единой методике (1996, 2007/2008, 2014, 2023 гг.). Главными понятиями являются *гендерная картина мира* и *гендерная доминанта сознания*.

Гендерная картина мира понимается нами как модель гендерной и семейной действительности — упорядоченная, относительно непротиворечивая, внутренне связанная совокупность существующих в обыденном сознании гендерных идеалов, общих диспозиций и ситуационных установок, в которой находят отражение представления о том, какое положение должны занимать и занимают мужчина и женщина в семье и обществе. Мы стремились зафиксировать модель, представляющую собой обыденную «концепцию» гендерных и семейных отношений, носителем которой является молодежь (Нечаева 1997).

Понятие гендерная картина мира выбрано в качестве основополагающего в силу его эвристичности, заключающейся в том, что оно, во-первых, дает возможность как выявить отдельные уровни гендерного сознания, так и зафиксировать целостный образ того, как современная молодежь воспринимает различные аспекты гендерных и семейных отношений, т.е. на основании широкого набора свойств выделить основные типы этого восприятия. Последнее, с нашей точки зрения, крайне важно, поскольку позволяет ближе подойти к пониманию, что определяет поведение, ибо человек при всем разнообразии характеристик его сознания, существо целостное — субъект, склонный вести себя в жизни определенным образом. Во-вторых, это понятие позволяет раскрыть характер горизонтальных и вертикальных связей между структурными уровнями гендерной картины мира и на языке эмпирических индикаторов показать, обладает ли она целостностью, действительно ли является системой. Наконец, анализ изменений каждого уровня гендерной картины мира и сопоставление их динамики позволяет зафиксировать закономерности трансформации гендерного сознания, как происходит переход от одной гендерной картины мира к другой.

Второе важное для исследования понятие — *гендерная доминанта сознания*, которую мы определили как системообразующую, сквозную характеристику, которая пронизывает все уровни гендерной картины мира и является интегральным отношением к тому положению, которое с точки зрения ее носителя должны занимать мужчина и женщина в семье и обществе. Важно, что она, с одной стороны, упорядочивает спектр взаимосвязанных характеристик каждого уровня системы — гендерных идеалов, общих диспозиций и ситуационных установок, а с другой — сама является интегральным свойством, порождаемым ими. Эмпирически зафиксировано, что на каждом структурном уровне гендерной картины мира доминанта сознания содержательно проявляется по-разному в соответствии с характеристиками данного уровня, но при этом сохраняет свое основное значение — традиционно-патриархатное или современно-

эгалитарное. По сути дела, она представляет собой тот «стержень», вокруг которого собирается и на котором держится главное смысловое содержание картин мира. Эмпирически это зафиксировано в результате факторного анализа в качестве латентных переменных соответствующих факторов на каждом уровне гендерных картин мира и на основе статистически значимых корреляций между синдромами их разных уровней (Нечаева 2019).

Наши исследования начались на заре рыночных реформ, вызвавших стремительные изменения во всех сферах жизни. Современные общественные трансформации приносили и продолжают приносить новые отношения, связанные с гендером и семьей, увеличивают их разнообразие. Однако центральным остается продолжающийся переход от различных видов сохраняющегося до сих пор неравенства к равноправному положению мужчин и женщин. Этот переход протекает в разных сферах жизни крайне неравномерно, образуя своеобразный континуум традиционных и современных форм как в реальной действительности, так и в сознании людей. Поэтому для того чтобы зафиксировать, каким образом трансформируются гендерные и семейные представления молодежи в качестве главного отношения, лежащего в основе моделей, выбрана ось «признание гендерного неравенства — поддержка эгалитарности отношений».

Проанализированы три модели гендерных картин мира: традиционно-патриархатная, противоречивая и современно-эгалитарная. Содержательно краеугольным камнем традиционно-патриархатной модели являются признание гендерного неравенства; поддержка разделения гендерных ролей; убеждение в том, что главная, активная роль как в обществе, так и в семье должна принадлежать мужчине; какие бы новые взгляды ни возникли, главная сфера самореализации женщины — семья, рождение и воспитание детей.

Доминанта современно-эгалитарной модели базируется на отрицании неравноправного, подчиненного положения женщины в семейной и общественной жизни; непризнании разделения гендерных ролей; утверждении важности для женщины внесемейной, профессиональной самореализации.

Третья модель гендерной картины мира представляет собой противоречивое сочетание содержательных аспектов традиционных и современно-эгалитарных представлений.

Структура гендерной картины мира в нашем исследовании представлена тремя уровнями. Первый, наиболее общий уровень образуют гендерные идеалы, задающие эталонные образы мужчин и женщин. Второй уровень — общие диспозиции — отражает предрасположенность вести себя в соответствии с определенными гендерными и семейными ролями

и нормами. Третий уровень, в большей мере приближенный к конкретному поведению, образуют ситуационные установки, фиксирующие склонность к тем или иным поступкам в разнообразных жизненных ситуациях (Нечаева 2019).

Задачи и методика исследования

Полученные ранее результаты проведенных исследований¹ показали, что все структурные уровни картин мира — гендерные идеалы, общие диспозиции и ситуационные установки, а следовательно и все три анализируемые модели — традиционно-патриархатная, противоречивая и современно-эгалитарная, — изменяются гетерохронно: трансформации протекают с различной скоростью (Нечаева 2021).

В рамках указанных ранее целей задачи данной работы заключались в том, чтобы, во-первых, зафиксировать, как на фоне изменений традиционно-патриархатной и современно-эгалитарной картин мира молодежи происходит трансформация противоречивой модели; во-вторых, выяснить, в какой степени эта противоречивая гендерная картина мира является амбивалентной; и наконец, попытаться объяснить, какую роль она играет в переходе от представлений о неравноправии мужчин и женщин к эгалитарности.

Важность внимания к противоречивой гендерной картине мира, вошедшей в себя как традиционно-патриархатные, так и современно-эгалитарные представления, определяется тем, что широкий спектр новых форм семейных и гендерных отношений возникает и принимается людьми постепенно, шаг за шагом вытесняя прежние. Одни традиционные идеалы, ценности, нормы и установки безвозвратно уходят в прошлое, а другие, особенно те, что входят в ядро картины мира, встраиваются в современные отношения и продолжают жить. В этих случаях новое вырастает на старом «фундаменте». Возникает то, что Ю.М. Лотман называл «гетерогенной смесью» (Лотман 1996: 296). Эта «смесь» содержит в разной степени противоречивые гендерные идеалы, диспозиции и ситуационные установки. Их динамика представляет собою важный аспект трансфор-

¹ По единой методике нами проводились исследования под общим названием «Гендерная картина мира молодежи»: 1996 г. — подвыборка молодежи в возрасте от 18 до 25 лет с высшим и незаконченным высшим образованием, N=156 чел. (опрос жителей Санкт-Петербурга, общая выборка репрезентативна по полу и возрасту, N=1070 чел.); 2007 г. — опрос студентов вузов Санкт-Петербурга в возрасте от 17 до 24 лет, N=123 чел.; 2014 г. — опрос студентов вузов Санкт-Петербурга в возрасте от 17 до 24 лет, N=122 чел.; 2023 г. — опрос студентов вузов Санкт-Петербурга в возрасте от 17 до 24 лет, N=113 чел.

мации гендерных картин мира, раскрытия закономерностей их изменений и фиксации того, каким конкретно образом один тип гендерного сознания «превращается» в другой.

Специального анализа требует и вопрос о том, насколько такие представления являются амбивалентными. По этому поводу Н.Дж. Смелзер справедливо подчеркивал, что главное внимание исследователей сосредоточено на полюсах ответов респондентов, «амбивалентность почти не учитывается в большей части опросов. В самом деле, когда респондент вынужден выбирать из альтернатив, она обычно отодвигается в сторону. Опросы часто изображают мир, как бы разделенный на людей, выступающих за или против кого-либо или чего-либо, — явное искажение социально-психологической реальности чувств публики. Эта картина затем овеществляется в воображаемом «общественном мнении», ее выдают за реальность в прессе, с ней знакомятся рыночные аналитики и политики — и действуют соответственно. Следуя этой линии рассуждения, мы должны рассматривать исследование установок не как выявление предпочтений, а как искаженную структуру реальности, которая сводит к минимуму и при этом делегитимирует как неоднозначность, так и амбивалентность» (Смелзер 2012: 39). Именно для того чтобы избежать такого искажения реальности, были проанализированы изменения не только моделей представлений о гендерных и семейных отношениях, расположенных на полюсах оси «традиционность — современность», но и модель, содержащая противоречивые (вплоть до несовместимых) взгляды по этим вопросам.

Сбор информации осуществлялся на основе анкетного опроса. Для эмпирической фиксации каждого из трех уровней гендерных картин мира был разработан набор индикаторов. Гендерные идеалы фиксировались на основе 16 качеств, отражающих традиционный и современный образы женщины и мужчины. Респонденту предлагалось выбрать наиболее привлекательные для него черты. Уровень общих гендерных диспозиций состоял из 23 индикаторов, каждый из которых представлял собой пару суждений — смысловых аспектов традиционно-патриархатной и современно-эгалитарной картин мира. Участник опроса осуществлял выбор наиболее близкой ему точки зрения. Уровень ситуационных установок был представлен 16 проблемными ситуациями, каждая из которых требовала выбора определенного способа поведения, который предлагалось сделать респонденту — указать, как бы он действовал при указанных обстоятельствах (Нечаева 1997).

Таким образом, важным методическим принципом для нас являлся выбор, осуществляемый респондентом — его «конструирование» всех уровней собственной гендерной картины мира. Это было важно, поскольку

«выбирая, человек самостоятельно должен решить, что же из существующих потенциальных возможностей он сделает реальностью. Причем трудность выбора связана именно с осознанием неизбежной потери, особенно если приходится выбирать между двумя и более равными по значимости альтернативами» (Озерина 2008–2009: 96). Мы предполагали (и это подтвердилось результатами исследования), что на всех структурных уровнях системы этот личностный выбор в значительной мере обусловлен смысловым содержанием гендерной доминанты сознания, присущей респонденту, основа которой — поддержка или отрицание гендерного неравенства.

Традиционно-патриархатное и современно-эгалитарное отношение к положению мужчины и женщины в семье и обществе в целом представлено в методике 55 индикаторами. Затем с помощью факторного анализа были выявлены их взаимосвязанные совокупности — синдромы характеристик, каждый из которых отражал определенный содержательный аспект соответствующего уровня картины мира. На этой основе построены показатели, в интегрированном виде фиксирующие отношение к гендерному неравенству в семье и различных сферах жизни общества — признание его необходимости или поддержка эгалитарности отношений. Всего таких факторов (соответственно показателей) эмпирически выделилось семь.

Один — на уровне гендерных идеалов отражал наиболее привлекательные черты традиционного и современно-эгалитарного образа женщины. Общие гендерные диспозиции были представлены четырьмя показателями. Первый объединил индикаторы, фиксирующие поддержку или отрицание доминирующего положения мужчины в обществе и необходимость разделения гендерных ролей. Второй — принятие или отрицание убеждения, согласно которому, главное для женщины — материнство и забота о семье. Третий — привлекательность или непривлекательность роли домашней хозяйки. Четвертый — оправдание или отрицание традиционных ролей мужчины в семье. Уровень ситуационных установок отражен в двух показателях: 1) поддержка или отрицание важности внесемейной реализации женщины (работа, профессия, карьера) и 2) принятие или отрицание необходимости двойной морали, согласно которой нормы и правила поведения для мужчин и женщин должны быть в определенных ситуациях различными.

То, что на уровнях общих диспозиций и ситуационных установок зафиксированы несколько синдромов (факторов), демонстрирует, что каждая общая гендерная доминанта сознания — традиционно-патриархатная или современно-эгалитарная — может «внутри себя» разделяться на от-

дельные частные содержательные составляющие. Такой феномен мы назвали «гендерной субдоминантностью».

Таким образом, совокупность полученных показателей позволила в обобщенном, более сжатом виде представить широкий спектр характеристик традиционной и эгалитарной картин мира молодежи — привести каждый смысловой аспект гендерных идеалов, общих диспозиций и ситуационных установок к «общему знаменателю», отраженному в названии соответствующего показателя.

Понятия противоречивость, расколотость, амбивалентность сознания в философии, социологии и психологии используются по отношению как к общественному (групповому сознанию), так и по отношению к личности, индивидуальному сознанию. «Но основания и проявления раскола сознания совершенно различны на индивидуальном и групповом уровнях» (Лазуткин 2011: 12). Поэтому теоретически и эмпирически рассмотрим их отдельно.

Расколотость группового гендерного сознания: описание понятия и результаты исследований

Расколотость общественного (группового) сознания определяется существованием противоположных картин мира (в том числе гендерных), каждая из которых имеет своего носителя — группу, чьи представители обладают относительно непротиворечивым, «идеальным» типом сознания в веберовском понимании.

Культурные особенности сознания, черты национального характера, сохраняясь столетиями, оказывают существенное, а иногда и решающее, влияние не только на степень успешности проводимых в стране преобразований, на все стороны общественной жизни. К числу таких ярких российских особенностей относится «расколотое сознание», проявляющееся в противостоянии социальных групп, придерживающихся противоположных точек зрения по самым разным аспектам общественной жизни — от религиозных, политических, экономических воззрений до взглядов на гендерные и семейные отношения. Раскол является главной категорией в системе понятий, разработанных А. Ахиезером для анализа тех социокультурных процессов, которые определяют развитие российского общества. (Ахиезер 1997). С.Я. Матвеева подчеркивает, что согласно выводам этого автора, «Россия — “расколотое” общество..., потому что в ней действуют одновременно противоположные, пытающиеся стать господствующими логики. Каждая из этих логик по-своему рациональна и несёт в себе свой собственный проект жизнеустройства, культурную программу, каждая воплощается в социальные институты, образцы и тра-

диции, имеет представления о должном поведении... Первая из них основана на традиционной российской нравственности, складывавшейся с древнейших времен, вторая возникла позднее как элемент развития общества» (Матвеева 1997: 7). Основываясь на результатах исследований С. Чугрова, С. Хантингтон приводит современные данные, демонстрирующие расколотость, разорванность сознания как российской общественности, так и российской элиты и приходит к выводу о том, что дуализм ориентации на Запад или на национальные особенности развития — это черта национального характера, и что «по отношению к центральному вопросу идентичности Россия в 1990-х годах явно оставалась разорванной страной» (Хантингтон 2019: 236).

Что касается гендерного сознания, то традиционно-патриархатная и современно-эгалитарная гендерные картины мира по своему содержанию противоположные, поскольку лежащие в их основе доминанты относительно того, какое положение должны занимать мужчина и женщина в семье и обществе, в корне различаются. Таким «водоразделом» служит вопрос о равенстве и равноправии мужчины и женщины в широком смысле этих слов — не только юридически, но и на уровне обыденного сознания (идеалов, норм и установок людей). Однако, чтобы иметь основания говорить о расколотости гендерного сознания молодежи, необходимо зафиксировать наличие поляризации представлений групп, являющихся носителями этих противоположных гендерных картин мира.

В результате исследований выявлено, что степень противостояния взглядов молодежи на различных структурных уровнях гендерных картин мира существенно отличается.

На уровне гендерных идеалов до 2023 г. поляризации представлений практически не было — постоянно однозначно доминировали приверженцы традиционного идеала: в 1996 г. их было 55 %, а носителей современно-эгалитарного идеала — лишь 8 %; в 2007 г. соответственно 38 и 8 %, в 2014 г. — 55 и 3 %. Среди юношей и девушек большей привлекательностью обладали женщины мягкие, нежные, терпимые, верные, преданные, скромные, бескорыстные, способные пожертвовать многим ради семьи и оттачивали (в факторном решении эти качества имеют отрицательные факторные нагрузки) сильные, уверенные в себе, стремящиеся ни в чем не уступать мужчинам, активные, энергичные, стремящиеся к самостоятельности и экономической независимости, убежденные, что главное в жизни — реализовать свои способности, хорошие профессионалы. Сторонников таких традиционных взглядов было значительно больше, чем тех, чей идеал имеет обратную, «перевернутую» структуру взаимосвязанных качеств, представленных выше.

Таким образом, если до 2014 г. на уровне гендерных идеалов о противостоянии различных точек зрения говорить не приходилось, то к 2023 г. положение дел изменилось. Несмотря на то что этот структурный уровень трансформируется медленно, к 2023 г. и здесь произошли изменения. Количество приверженцев традиционного образа женщины сократилось с 55 % до 30 %, а число тех, кого привлекает современно-эгалитарный женский идеал, в основе которого сила, уверенность в себе, стремление ни в чем не уступать мужчинам, активность и пр., напротив, увеличилось с 3 до 18 %. Тем самым уменьшилась разница между количеством носителей полюсных типов: если в 2014 г. она составляла 52 %, то в 2023 — только 12 %, что свидетельствует о, возможно, намечающейся поляризации представлений молодежи о гендерных идеалах.

Весьма показательно, что соотношение сторонников традиционных и эгалитарных взглядов на эталон женщины к 2023 г. стало почти таким, каким на уровне гендерных диспозиций такое соотношение было уже к 2014 г. Это означает, что гендерные идеалы, существенно отставая по темпу трансформации, тем не менее движутся в том же направлении — современно-эгалитарном — и «догоняют» нижележащие уровни.

На уровне общих гендерных диспозиций до 2014 г. о возможном противостоянии представлений групп молодежи свидетельствовали по крайней мере два показателя из четырех, а именно тех, кто ратовал за то, чтобы мужчина занимал главное положение в обществе и семье, а гендерные роли были разделены, и выступавших за равноправие мужчин и женщин в этих вопросах в 1996 г. было соответственно 48 и 37 %; в 2007 г. — 38 и 31 %, в 2014 г. 39 и 22 %. По второму показателю картина складывалась аналогичная: убежденных, что главное для женщины — рождение и воспитание детей, и считающих материнство важным, но наряду с другими интересами в жизни женщины (профессией, карьерой), было соответственно в 1996 г. 44 и 31 %; в 2007 г. 25 и 43 %; в 2014 г. 35 и 23 %.

Согласно данным 2023 г. картина изменилась: произошло сокращение числа носителей традиционных гендерных диспозиций при увеличении количества тех, кто ратует за эгалитарные семейные и гендерные нормы. В контексте обсуждаемой темы — степени расколотости группового сознания — важно, что намечавшаяся ранее тенденция к поляризации взглядов сменилась явным преобладанием среди молодежи эгалитарных гендерных диспозиций. За доминирование мужчин в семье и обществе и разделение гендерных ролей в настоящее время выступают только 18 % юношей и девушек, а 49 % — за равноправные отношения. Еще больше различие по второму показателю: считающих, что какие бы новые взгляды

ни возникали, главное для женщины — рождение и воспитание детей, забота о семье — 9 %; убежденных в важности материнства наряду с другими сторонами жизни — работой, профессией, карьерой — 68 % опрошенных.

На уровне ситуационных установок также не выражено противостояние представлений молодежи, выбирающих противоположные способы поведения в жизненных ситуациях, связанных с гендерными и семейными проблемами. Но по сравнению с гендерными идеалами ситуационные установки демонстрируют «обратную» картину: если среди первых сторонники традиционных взглядов, как было показано выше, составляют большинство, то среди вторых — их уже крайне мало. А именно: в различных ситуациях склонных действовать в соответствии с двойной моралью (что позволено мужчине, может запрещаться женщине) к 2023 г. осталось только 6 %. Отказывающихся от профессиональной самореализации в пользу различных сторон семейной жизни столько же — 6 %. В структуре гендерных картин мира ситуационные установки наиболее «приближены» к реальной действительности и наиболее конкретны. Вероятно, в силу этого изменения здесь происходят быстрее, чем на более «абстрактных» уровнях — гендерных идеалов и общих диспозиций.

В целом полученные результаты свидетельствуют о том, что в настоящее время и традиционно-патриархатная, и современно-эгалитарная гендерные картины мира имеют своих носителей среди юношей и девушек, но говорить о расколотости гендерного сознания и поляризации групп с ярко выраженными противоположными взглядами на положение мужчины и женщины в семье и обществе достаточных оснований нет. Рассмотрим противоречивость гендерных представлений на индивидуальном уровне.

Противоречивость индивидуального гендерного сознания: описание понятия и результаты исследования

Существование в реальной жизни людей разных типов, как тех, чье сознание подчинено какой-либо доминанте, так и тех, у кого оно противоречиво, было замечено уже в литературе. Так, в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» Стива Облонский говорит Константину Левину: «...ты очень цельный человек. Это твое качество и твой недостаток. Ты сам цельный человек и хочешь, чтобы вся жизнь слагалась из цельных явлений, а этого не бывает... Ты хочешь тоже, чтобы деятельность одного человека всегда имела цель, чтобы любовь и семейная жизнь всегда были одно. А этого не бывает. Всё разнообразие, вся прелесть, вся красота жизни слагается из тени и света» (Толстой 2022: 46).

Когда речь идет о расколотости индивидуального сознания носителем противоречивых взглядов является сама личность. Ее картина мира одновременно содержит противоположные представления об одном и том же предмете, явлении действительности, не будучи целостной (Лазуткин 2011). Именно противоречивость является главной характеристикой такого типа сознания, о каких бы различных содержательных его сторонах и уровнях ни шла речь.

Противоречивость гендерных картин мира проявляется в том, что они содержат разнообразные сочетания и традиционно-патриархатных представлений, и современно-эгалитарных. Показатели гендерных идеалов, общих гендерных диспозиций и ситуационных установок этого типа включают индикаторы, совокупность которых является смесью противоположных взглядов, отражающих различные аспекты как равноправных отношений мужчины и женщины, так и подчиненно-зависимых. В этих картинах мира отсутствует однозначно выраженная гендерная доминанта сознания — традиционная или эгалитарная.

Гетерохронность изменений не только всех структурных уровней гендерных картин мира, но и отдельных содержательных аспектов (синдромов характеристик) «внутри» самих уровней ярко проявилась в случае трансформаций противоречивого типа гендерного сознания. К 2023 г. динамика гендерных идеалов, общих диспозиций и ситуационных установок демонстрирует отличающиеся тенденции: количество носителей одних из них за 27 лет практически не изменилось; число других постепенно увеличивалось, а третьих, достигнув почти максимального уровня, резко сократилось. Конкретно это происходило следующим образом.

На уровне гендерных идеалов тех, кого более всего привлекает образ женщины, несущий в себе и традиционные, и современно-эгалитарные черты, в 1996 г. было 37 %; в 2007 их стало 54 %; в 2014 — 42 % и в 2023 — 52 %. Конкретные индивидуальные комбинации этих черт могут быть различными. В одних случаях они более «совместимы», в других менее, но в каждом варианте этот образ представляет собою смешение свойств полюсных идеалов, описанных выше. Например, привлекательной является женщина скромная, мягкая, бескорыстная и при этом сильная, активная, уверенная в себе, стремящаяся к самостоятельности и независимости, ни в чем не уступающая мужчинам. Таким образом, к 2023 г. число тех, для кого идеалом женщины являются такие противоречивые образы, увеличилось и достигло половины опрошенных.

На уровне общих диспозиций практически без изменений остается число носителей противоречивых взглядов на то, что муж должен играть в семье традиционные роли кормильца и главы, и самым важным именно

в его жизни должны быть дело, работа, профессия. В 1996 г. юношей и девушек с такими неоднозначными мнениями было 58 %, в 2007 — 58 %, в 2014 — 55 % и в 2023 — 58%.

С 2007 г. отсутствие существенных трансформаций наблюдается в количестве тех, кто противоречиво относится к доминирующему положению мужчин в семье и обществе и существованию разделения гендерных ролей. В 1996 г. их было лишь 15 %, в 2007 — 31 %, в 2014 — 39 %, в 2023 — 33 %. Приведем один из возможных вариантов синдрома представлений по этому показателю. Респондент полагает, что в современном обществе не следует придерживаться традиционного разделения ролей по признаку пола, но при этом убежден, что должны существовать ограничения для женщин в различных сферах жизни — в политике, дипломатии, армии; считает, что для женщин так же, как и для мужчин важны лидерство, успехи и достижения на каком-либо общественном поприще, но ратует за необходимость доминирования мужчин в сфере управления.

Постепенно возрастало число юношей и девушек с противоречивыми представлениями о том, насколько важна и привлекательна роль домашней хозяйки. В 1996 г. их было 19 %, в 2014 — 26 %, а в 2023 стало уже 50 %.

И наконец, по четвертому показателю уровня общих диспозиций сложилась совсем иная картина. До 2014 г. наблюдался рост числа сторонников противоречивых взглядов в отношении того, являются ли главными в жизни женщины материнство, семья и забота о ней (1996 г. — 26 %, 2007 — 32 %, 2014 — 42 %). Примером такой неоднозначной точки зрения служит следующий синдром характеристик: с одной стороны, убежденность в том, что какие бы новые взгляды ни возникали, самое важное предназначение женщины — рождение и воспитание детей; предпочтение таких семейных отношений, при которых жена в значительной мере подчиняет свои интересы интересам мужа; видение смысла любви в том, чтобы войти в мир мужчины, раствориться в нем, даже жертвуя многим ради него; но с другой, — полагание, что забота о детях, муже, родителях не должна быть единственным делом в жизни женщины, поскольку это препятствует развитию ее личности; большее одобрение тех женщин, которые свободное время используют для того, чтобы заниматься своими собственными делами (даже если интересы членов семьи не будут учтены в должной мере), чем женщин, посвящающих досуг дому и семье.

В 2023 г. произошло существенное сокращение числа тех, кто противоречиво относится к материнству и заботе о семье — их стало 23 %. При этом в гендерной картине мира молодежи уже преобладает убеждение, согласно которому наряду с наличием детей в жизни женщины важны работа, профессия, карьера, и ей самой должно принадлежать решение

о том, что является главным. Такой точки зрения стало придерживаться 68 % студенческой молодежи. Произошел «переход» от преобладания смешанных взглядов на современно-эгалитарные позиции.

На уровне ситуационных установок, в целом отличаясь высокой противоречивостью, показатели тем не менее демонстрируют разную динамику. Первый из них фиксирует выбор молодежи в ситуациях, когда женщины вынуждены решать — профессия, карьера или семья и воспитание детей. В одних ситуациях этого типа респондент склонен поступать так, чтобы женщина имела возможность работать, строить карьеру, даже если ради этого приходится жертвовать какими-то семейными ценностями, в других — предпочтение отдается семейным обязанностям при отказе от профессиональной самореализации. Например, они отказываются от предложения интересной работы, которую хотели получить, если это потребует раздельного проживания с ребенком; выбирают отъезд с мужем за границу, даже если известно, что работать по любимой специальности там не смогут и придётся заниматься неквалифицированным трудом; но при этом отвергают роль домашней хозяйки и не соглашаются оставить работу по специальности, несмотря на настойчивые просьбы мужа-предпринимателя и конфликт с ним; полагают, что если есть возможность добиться успеха, нельзя ее упускать, поэтому решают занять руководящую должность и быть по статусу выше мужа даже при конфликте из-за этого; наконец при необходимости переезда в провинцию они отказываются от любимого человека в пользу собственной карьеры. В 1996 г. носителей подобного типа было 40 %, в 2007 стало уже больше половины — 55 %, в 2014 — 59 %, в 2023 — 55 %.

Иная картина к настоящему времени складывается по показателю, фиксирующему установки в разнообразных ситуациях, отражающих поддержку или отвержение двойной морали при оценке поведения мужчин и женщин. Представители этой группы в одних ситуациях выбирают поведение, в основе которого лежит убеждение, что разрешенное (или запрещенное) для мужчины не является таковым для женщины, а в других — склонны к действиям с одинаковой оценкой мужчин и женщин — то, что разрешено первым, не воспрещается и вторым (в ситуациях службы в армии, супружеской неверности, проведении досуга, следования вредным привычкам). Будучи и ранее высокой степень противоречивости в этом аспекте достигла в 2014 г. 80 %. Но к 2023 г. положение дел кардинально изменилось — количество юношей и девушек с такими смешанными установками резко сократилось — до 18 %, при этом 76 % опрошенных продемонстрировали склонность к поведению, отрицающему свод разных правил и норм для женщин и мужчин.

Таким образом, если с 1996 по 2014 г. на всех структурных уровнях гендерных картин мира молодежи разными темпами, но в целом увеличилось количество тех, чьи представления о положении мужчин и женщин в семье и обществе противоречивы, то к 2023 г. их число по некоторым содержательным аспектам на уровнях общих диспозиций и особенно ситуационных установок резко упало с одновременным увеличением доли сторонников современно-эгалитарных представлений.

Ранее мы подчеркивали значение многих понятий теории семиотического пространства Ю.М. Лотмана для понимания и объяснения функционирования и трансформации гендерных картин мира. Это понятия «граница», «внутренняя неоднородность», «асимметрия строения», «центр (ядро) — периферия системы» (Нечаева 2019). В данном случае важно, что внутреннее пространство семиосферы (в нашем случае гендерной картины мира) неоднородно, что определяется гетерогенностью и гетерофункциональностью входящих в нее подсистем (гендерных идеалов, общих гендерных диспозиций и ситуационных установок). Принципиально, что эта неоднородность не должна превышать некоторую границу меры. Излишнее разнообразие внутри семиосферы представляет для нее угрозу — система может потерять единство и «расползтись» (Лотман 1996: 166, 171). Можно предполагать, что в тех случаях, где нами зафиксировано резкое падение числа носителей противоречивых представлений, это обусловлено именно тем, что такая граница меры неоднородности (противоречивости) превышена. Это и обуславливает переход на другие (современно-эгалитарные) позиции. Более того, имеет значение и то, что неоднородность семиосферы характеризуется асимметричностью ее структуры, которая проявляется в соотношении центр — периферия. Центр (ядро) образуют традиционные структуры, в первую очередь обеспечивающие стабильность семиотического пространства в целом. Ю.М. Лотман многократно подчеркивал, что на периферии системы постоянно протекают противоречивые процессы, «кипит разнообразие тенденций», происходит вторжение «чужих» норм». Здесь, на периферии семиосферы, запускается механизм ее изменения (Лотман 1996). С нашей точки зрения, в структуре гендерных картин мира гендерные идеалы тяготеют к ядру, а такой периферией является уровень установок, обеспечивающий поведение в постоянно меняющихся жизненных ситуациях — в целом связь с миром повседневности. Как показали результаты исследования, именно здесь противоречивость достигла самых высоких значений и запустился механизм изменения всей системы. В свою очередь, на всех структурных уровнях картин мира то, какие синдромы по степени противоречивости «опережают» остальные, а какие в большей мере

сохраняют стабильность, определяется, как было показано выше, еще и их конкретным смысловым аспектом. Именно поэтому изменения протекают по-разному не только на различных уровнях гендерной картины мира, но и в пределах каждого конкретного уровня.

Таким образом, на основе полученных данных можно предполагать, что сложный механизм трансформации гендерных картин мира включает одновременное действие этих двух проанализированных параметров. Во-первых, в его реализации играет роль функциональность структурного уровня системы и, во-вторых, конкретный содержательный аспект синдрома характеристик «внутри» каждого уровня.

Анализ «смешанных», неоднозначных гендерных и семейных представлений требует сделать следующий шаг для понимания природы этой противоречивости. Поэтому, как было сказано выше, одной из задач исследования являлся анализ того, насколько противоречивые взгляды юношей и девушек амбивалентны.

Амбивалентность пронизывает многочисленные стороны человеческой жизни. В силу этого Н.Дж. Смелзер выдвинул и обосновал «фундаментальную идею — идею амбивалентности как психологического постулата, необходимого для понимания индивидуального поведения, социальных институтов и в целом условий человеческого существования» (Смелзер 2012: 22). Понятие «амбивалентность» образовано от двух латинских слов: *ambi* — «двойственное, двойное, с обеих сторон» и *valentia* — «сила». Благодаря всепроникающей многогранности оно используется различными науками (психологией, медициной, философией, социологией) в совершенно разных проблемных областях (Блейлер 2001; Зелинская 2013; Мертон 2006; Рябова 2014; Корецкая 2021; Головаха, Панина 1994; Тощенко 2001; Гурко 2020). Несовпадающие предметы различных наук обуславливают разные акценты в толковании той «двойственной силы», противоречивости, которая лежит в основе амбивалентности. В соответствии с предметом нашего исследования в первую очередь нас будет интересовать то, как это понятие рассматривают социальная психология и социология. В первом случае под амбивалентностью понимается «противоречивое (двойственное) отношение субъекта к объекту, характеризующееся одновременной направленностью на один и тот же объект противоположных чувств и установок, обладающих равной силой и объемом» (Овчаренко, Давыдов, Огурцов 2021: 1). Т.Н. Зелинская расширяет спектр того, где проявляется данное отношение и определяет амбивалентность как личностное свойство, «которое присуще каждому индивиду и проявляется в динамической, интегрированной взаимосвязи двух равных или почти равных силой и объемом противоречий в мотивах, эмо-

циях, когнициях и поведении» (Зелинская 2013: 220). Главной характеристикой рассматриваемого понятия является наличие «конкурирующих точек зрения, касающихся одного и того же объекта... Акцент всегда делается на двух сопоставимых, но зависимых компонентах... составляющих целое или единство» (Lüscher 2002: 586).

Когда же речь идет о социологической амбивалентности, акцент переносится на то, каким образом амбивалентность связана с социальной структурой, статусами и ролями. Исходя из такой позиции Р. Мертон и Э. Барбер полагали, что «в широком смысле социологическая амбивалентность — это несовместимые нормативные ожидания, установки, убеждения и поведение, приписываемые социальному статусу (социальной позиции) или набору статусов в обществе» (Merton, Barber 1963: 94). Конкретизируя и углубляя социологическое понимание амбивалентности Р. Мертон выделил шесть ее видов, в основе которых лежат конфликты различных функций, приписываемых определенному статусу (например, экспрессивной и инструментальной), конфликты между различными статусами, между отдельными социальными ролями, которые играет человек, между несколькими ролями, присущими одному статусу, между противоречивыми культурными ценностями, наконец, амбивалентность, присущая людям, живущим в различных культурах (иммигранты) (Мертон 2006).

Особое значение амбивалентность приобретает в периоды общественных реформ, возникновения событий, приводящих к резкой смене парадигм, изменяющих образ жизни людей, когда на смену прежним, устоявшимся, «старым» ценностям и нормам нередко в активной борьбе приходят «новые». Описывая феномен посттоталитарной амбивалентности, Е.И. Головаха и Н.В. Панина полагают, что она «формируется из двух составляющих — демократических ценностных представлений, с одной стороны, и тоталитарных ориентаций, рожденных в жесткой нормативной системе, — с другой» (Головаха, Панина 1994: 134). Ее специфика, по мнению этих авторов, заключается в том, что «во-первых в массовом и индивидуальном сознании идеологически и нравственно взаимоисключающие ценностно-нормативные подсистемы сосуществуют не как антагонисты..., но как согласованные элементы единого типа сознания и эмоционального отношения к социальной действительности; во-вторых, противоречивые системы ценностей характерны не для разных социальных групп..., а фактически для каждой из больших социальных групп, и, наконец, в-третьих, амбивалентность проявляется в противоречивых сочетаниях демократических ценностей-целей социальных преобразований и тоталитарных ценностей — средств реализации демократических идей» (Головаха, Панина 1994:132–133).

В такие периоды подобные процессы протекают и в анализируемой нами сфере. «Изучение семейных отношений при противоречивых социальных институтах, переходах из одного общества в другое или изменениях внутри данного общества выявляет амбивалентность и вытекающую из этого семейную динамику, которые менее очевидны в относительно стабильные времена и ситуации, даже если они имеют место» (Connidis 2015: 87).

Опираясь на работы К. Люшера и К. Пиллмера, И. Коннидис подчеркивает, что, «во-первых, амбивалентность позволяет выйти за пределы дуалистических представлений о семейной жизни, которая либо протекает гладко, либо состоит из конфликтов (Lüscher, Pillemer 1998; Pillemer, Lüscher 2004), демонстрируя одновременное существование противоречивых чувств, ожиданий и сил как характеристику семьи и общественной жизни (Connidis, McMullin 2002a; 2002b). Во-вторых, амбивалентность позволяет применять многоуровневый анализ, соединяющий индивидуальный опыт, социальные институты и макроуровневые системы неравенства, социальные, экономические, политические процессы и глобализацию» (Connidis 2015: 77).

Таким образом, понятие амбивалентности, являясь мультидисциплинарным, широко применяется в различных научных и практических сферах, однако существует мало отечественных социологических исследований, раскрывающих этот феномен на теоретическом и особенно на эмпирическом уровнях, в том числе когда речь идет о работах, посвященных гендерным и семейным отношениям. Именно поэтому, анализируя зарубежные исследования, в которых используется понятие амбивалентности, Т.А. Гурко подчеркивает важность привлечения внимания к его использованию и измерению (Гурко 2020). Всё это делает актуальным исследование амбивалентности гендерных и семейных отношений, особенно в современной ситуации роста противоречивости представлений в этой сфере.

С нашей точки зрения, в рамках гендерной картины мира существуют разные уровни амбивалентности — более общие, «глобальные» и менее общие, частные. Соответственно в зависимости от этого могут быть использованы разные подходы к анализу амбивалентности индивидуально-го сознания.

Во-первых, можно говорить об амбивалентности гендерной картины мира в самом общем виде, в целом. Она является таковой, если, исходя из приведенных выше определений, зафиксировано наличие несовместимых ценностей, нормативных ожиданий, установок, направленных на один и тот же объект. В нашем случае описанный выше тип гендерного созна-

ния в целом является амбивалентным, поскольку содержит в себе показатели как традиционных представлений, так и эгалитарных, в основе которых лежит как признание гендерного неравенства, так и отрицание неравного, подчинённого положения женщины в семейной и общественной жизни.

Во-вторых, как было показано выше, количество носителей неоднозначных представлений на разных структурных уровнях гендерной картины мира существенно различается. То, что степень противоречивости гендерных идеалов, общих диспозиций и ситуационных установок не одинакова, свидетельствует о том, что сознание личности может быть более амбивалентным в рамках одних структур и менее — других.

Наконец, в границах того или иного конкретного структурного уровня амбивалентность тоже может отличаться. Это убедительно демонстрируют рассмотренные выше результаты анализа общих гендерных диспозиций и ситуационных установок, на уровне которых общая гендерная доминанта сознания «разбивается» на субдоминанты в зависимости от конкретного содержания того или иного аспекта общего предмета отношения. В этом случае уже в пределах какого-либо одного структурного уровня одни синдромы характеристик могут быть амбивалентными, а другие — нет.

Таким образом, на примере нашей модели гендерных картин мира можно выделить по крайней мере три подхода к анализу амбивалентности индивидуального сознания, отличающиеся разной степенью «глубины»: во-первых, самый общий, в целом фиксирующий наличие несовместимых нормативных ожиданий, установок, убеждений в картине мира человека; во-вторых, рассмотрение того, насколько несовместимы между собой представления различных структурных уровней сознания личности, и, наконец, в третьих, анализ степени амбивалентности в рамках какого-либо конкретного структурного уровня — одного или нескольких.

Другой важный, с нашей точки зрения, аспект выявленных противоречий связан со степенью совместимости (несовместимости) характеристик традиционных и эгалитарных представлений, входящих в рассматриваемый тип. Выше мы привели примеры комбинаций смешанных взглядов. В целом же в эмпирическом поле они представляют собою широкий спектр синдромов с разной степенью «напряженности» их противоречивости. Более «жесткий» их вариант может быть отнесен к *амбивалентным представлениям*, поскольку он содержит явно несовместимые убеждения, нормы и установки. Об амбивалентности можно говорить, «когда поляризованные одновременные эмоции, мысли, социальные отношения и структуры, которые являются важными для конституирования индивидуальной или коллективной идентичности, интерпре-

тируются (или могут быть) интерпретированы как временно или даже постоянно непримиримые» (Lüscher 2002: 587). Более «мягкий» вариант выявленных противоречивых представлений, включающих в себя сочетания различных аспектов традиционной и эгалитарной картин мира, по нашему мнению, можно назвать *квазиамбивалентными представлениями*, т.е. противоречивыми взглядами, имеющими близость, внешнее подобие, сходство с амбивалентностью, но не являющимися по своему содержанию несовместимыми, то есть подлинно амбивалентными.

На данном этапе работы мы выявили долю носителей противоречивых гендерных идеалов, общих диспозиций и ситуационных установок, в которых «смешаны», существуют вместе амбивалентные и квазиамбивалентные представления, однако использованные нами показатели не позволяли перейти на следующий уровень анализа и выявить количество тех и других. Применительно к обсуждаемой теме задача будущих исследований, с нашей точки зрения, заключается в разработке методологии и методики, позволяющей это сделать, чтобы эмпирически зафиксировав, показать, какие синдромы и типы амбивалентных и квазиамбивалентных представлений существуют «внутри» самого противоречивого типа гендерной картины мира. Это позволит сделать еще один шаг к раскрытию и пониманию того, каков механизм трансформаций как гендерных картин мира, так, возможно, и других их типов.

Можно предполагать, что именно квазиамбивалентные представления дают возможность в картине мира (в нашем случае — гендерной) «мирно» сосуществовать противоречивым взглядам — «не как антагонисты, своей постоянной конкуренцией деформирующие психику» (Головаха, Панина 1994: 132–133), а как «гетерогенная смесь, которая функционирует как нечто единое» (Лотман 1996: 296). Согласно результатам многочисленных психологических исследований «сознание не терпит противоречий и пытается выстроить из всех осознаваемых представлений непротиворечивую картину. Если человеку не удастся справиться с противоречием, то он испытывает эмоциональные переживания или временное «отключение сознательного контроля» (Аллахвердов и др. 2015: 165). Вместе с тем «амбивалентность не обязательно негативна, а скорее подразумевает задачу структурирования отношений, которая в большей или меньшей степени создается структурными, ситуативными и личностными факторами» (Lüscher 2002: 587). С нашей точки зрения, на основе приведенных результатов исследований можно предполагать, что стадия противоречивого гендерного сознания с течением времени шаг за шагом и выполняет такую «задачу структурирования» новых современно-эгалитарных гендерных картин мира молодежи.

Заключение

Бурное время перемен, происходящие социальные и экономические преобразования, быстрое возникновение новых норм и образцов поведения мужчин и женщин «колеблет и расшатывает» сложившиеся гендерные и семейные представления юношей и девушек. Все меньшее их число является носителем той или иной «цельной» полюсной гендерной картины мира с однозначно ярко выраженной гендерной доминантой сознания — традиционно-патриархатной или современно эгалитарной. С 1996 г. по 2014 г. постепенно увеличивалось количество тех, чьи представления о положении мужчин и женщин в семье и обществе противоречивы; чьи взгляды на гендерные идеалы, семейные и гендерные нормы, содержание и распределение ролей, способы поведения в различных жизненных ситуациях включают как традиционные представления, так и современные.

К 2023 г. часть субструктур гендерных картин мира демонстрирует резкое падение степени противоречивости и одновременное возрастание количества носителей современно-эгалитарных представлений. Эти процессы начались с уровня ситуационных установок, не затронув пока в большой мере «вышележащие» уровни — общие диспозиции и гендерные идеалы. Полученные результаты дают основание предполагать, что трансформация гендерных картин мира происходит через стадию возрастания количества противоречивых представлений. Такая стадия необходима, поскольку она служит своеобразным «мостом», соединяющим полярные типы представлений — традиционно-патриархатных и современно-эгалитарных. Эта стадия является частью того механизма, благодаря которому по мере накопления вторых постепенно заменяются первые.

Поскольку, несмотря на описанные процессы, количество носителей противоречивых представлений по-прежнему велико, это обуславливает актуальность дальнейшего исследования природы двойственных представлений, одной из характеристик которых является амбивалентность. Необходимость дальнейшего изучения противоречивых представлений обусловлена ещё и тем, «что люди должны жить с амбивалентностью и могут справляться с ней более или менее компетентно и продуктивно. Люди могут даже создавать амбивалентности, как показывают произведения писателей и художников. Намеренное создание амбивалентности может быть стратегией социального взаимодействия. Эта возможность — еще одна причина рассматривать амбивалентность и как шанс, и как бремя» (Lüscher 2002: 587).

С нашей точки зрения, весь проанализированный период с 1996 по 2023 г. можно считать переходной стадией противоречивого гендерного сознания. Возможно, изменения, произошедшие к 2023 г., знаменуют собою начало новой стадии — активного утверждения современно-эгалитарных представлений в гендерных картинах мира молодежи. Но так ли это, покажет время и новые исследования.

Литература / References

Аллахвердов В.М., Наumenko О.В., Филиппова М.Г., Щербакова О.В., Аванесян М.О., Воскресенская Е.Ю., Стародубцев А.С. (2015) Как сознание избавляется от противоречий. *Шаги / Steps*, 1(1): 165–181.

Allakhverdov V.M., Naumenko O.V., Filippova M.G., Shcherbakova O.V., Avanesyan M.O., Voskresenskaya E.Yu., Starodubcev A.S. (2015) How consciousness removes contradiction. *Shagi / Steps*, 1(1): 165–181 (in Russian).

Ахиезер А.С. (1997) *Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России)*. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Akhiezer A.S. (1997) *Russia: historical experience critique. (Sociocultural dynamics of Russia)*. Novosibirsk: Sibirskij hronograf (in Russian).

Блейлер Э. (2001) *Аффективность, внушение, паранойя*. М.: Центр психол. культуры.

Bleuler E. (2001) *Affectivity, suggestibility, paranoia*. Moscow: Centr psihol. kul'tury (in Russian).

Головаха Е.И., Панина Н.В. (1994) *Социальное безумие: история, теория и современная практика*. Киев: Абрис.

Golovaha E.I., Panina N.V. (1994) *Social Madness: History, Theory and Modern Practice*. Kiev: Abris (in Russian).

Гурко Т.А. (2020) Понятие амбивалентности в изучении семейных отношений. *Социологические исследования*, 2: 63–73.

Gurko T.A. (2020) The concept of ambivalence in the study of family relations. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2: 63–73 (in Russian).

Зелинская Т.Н. (2013) Экспликация содержания понятия амбивалентности в психологии. *Новое в психолого-педагогических исследованиях*, 2: 211–221.

Zelinskaya T.N. (2013) Explication of the content of the concept of ambivalence in psychology. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* [New in Psychological and Pedagogical Research], 2: 211–221 (in Russian).

Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. М.: Новое издательство.

Inglehart R., Welzel C.S. (2011) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).

Корецкая М.А. (2021) *Амбивалентность власти: мифология, онтология, практика*. СПб.: Алетейя.

Koretskaya M.A. (2021) *The ambivalence of power: mythology, ontology, praxis*. St. Petersburg: Aleteia (in Russian).

Лазуткин В.В. (2011) *Феномен расколотого сознания в российском обществе*. Автореферат дис. ... канд. филос. наук. Омск.

Lazutkin V.V. (2011) *The Phenomenon of Split Consciousness in Russian Society*. Abstract from dissertation for the degree of candidate of philosophy. Omsk (in Russian).

Лотман Ю.М. (1996) *Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история*. М.: Языки русской культуры.

Lotman Yu.M. (1996) *Inside the Thinking Worlds: Human — Text — Culture — Semiosphere*. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury (in Russian).

Матвеева С.Я. (1997) *Расколотое общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера*. Ахиезер А.С. *Россия: критика исторического опыта*. (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф: 3–41.

Matveeva S.Ya. (1997) A split society: the path and fate of Russia in the socio-cultural theory of Alexander Akhiezer. In: Akhiezer A.S. *Russia: historical experience critique*. (Sociocultural dynamics of Russia). Novosibirsk: Sibirskij hronograf: 3–41 (in Russian).

Мертон Р. (2006) *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ; Хранитель.

Merton R. (2006) *Social theory and social structure*. Moscow: AST; Khranitel (in Russian).

Нечаева Н.А. (1997) *Патриархатная и феминистская картины мира: анализ структуры массового сознания*. Клецин А. (ред.) *Гендерные тетради*. СПб.: СПб филиал Института социологии РАН: 17–44.

Nechaeva N.A. (1997) Patriarchal and feminist worldviews: analysis of the composition of the totality of consciousness. In: *Gender Notebooks*. St. Petersburg: St. Petersburg Branch of The Sociological Institute of the RAS: 17–44 (in Russian).

Нечаева Н.А. (1999) *Идеал женщины в структуре гендерных картин мира*. Клецин А. (ред.) *Гендерные тетради*. СПб.: СПб филиал института социологии РАН: 5–19.

Nechaeva N.A. (1999) The female ideal in the structure of gender worldviews. In: *Gender Notebooks*. St. Petersburg: St. Petersburg Branch of The Sociological Institute of the RAS: 5–19 (in Russian).

Нечаева Н.А. (2019) *Гендерная картина мира: к определению понятия и его структуры*. *Петербургская социология сегодня*, 12: 114–133.

Nechaeva N.A. (2019) Gender worldview: defining the term and its structure. *Peterburgskaya sociologiya segodnya* [Saint-Petersburg psychology today], 12: 114–133 (in Russian).

Нечаева Н.А. (2021) Трансформация представлений молодёжи о ролях жены и мужа в структуре гендерных картин мира (1996–2014). И.И. Елисеева (ред.) *Российская семья и благополучие детей*. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН: 54–79.

Nechaeva N.A. (2021) Transformation of youth ideas about the roles of wife and husband in the structure of worldviews (1996–2014). In: *The Russian family and children's welfare*. Moscow; St. Petersburg: FCTAS RAS: 54–79 (in Russian).

Овчаренко В.И., Давыдов Ю.Н., Огурцов А.П. (2021) Амбивалентность. *Гуманитарный портал: Концепты* [<https://gtmarket.ru/concepts/7198>] (дата обращения: 14.06.2023).

Ovcharenko V.I., Davydov Yu.N., Ogurtsov A.P. (2021) Ambivalence. In: *Humanitarian portal. Concepts* [<https://gtmarket.ru/concepts/7198>] (accessed: 14.06.2023) (in Russian).

Озерина А.А. (2008–2009) Категория «выбор» в психологии: теоретическое исследование. *Вестник ВолГУ*, 9(7): 95–97.

Ozerina A.A. (2008–2009) “Choice” category in psychology: a theoretical study. *Vestnik VolGu* [Volgograd State University Herald], 9(7): 95–97 (in Russian).

Радаев В. (2020) *Миллениалы: Как меняется российское общество*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Radaev V. (2020) *Millenials: How the Russian society is changing*. Moscow: Izdatel'skii dom Vyshej shkoly ekonomiki (in Russian).

Рябова М.Е. (2014) Развитие представлений об амбивалентности в философии на рубеже XX — XXI веков. *Вестник Мурманского государственного технического университета*, 17(4): 753–758.

Ryabova M.E. (2014) The Development of Concepts of Ambivalence in Philosophy at the Turn of the 20th — 21st Centuries. *Vestnik Murmanskogo gos. tekhnicheskogo universiteta* [Murmansk State University of Technology Herald], 17(4): 753–758 (in Russian).

Смелзер Н.Дж. (2012) Рациональное и амбивалентное в социальных науках. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 15(1): 22–46.

Smelser N.J. (2012) The Rational and the Ambivalent in the Social Sciences. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 15(1): 22–46 (in Russian).

Тощенко Ж.Т. (2001) *Парадоксальный человек*. М.: Гардарики.

Toshchenko Zh.T. (2001) *The paradoxical human*. Moscow: Gardariki (in Russian).

Хантингтон С. (2019) *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.

Huntington S. (2019) *Clash of Civilizations*. Moscow: AST (in Russian).

Connidis I.A., McMullin J.A. (2002a) Ambivalence, Family Ties and Doing Sociology. *Journal of Marriage and the Family*, 64(3): 594–601.

Connidis I.A., McMullin J.A. (2002b) Sociological Ambivalence and Family Ties: A Critical Perspective. *Journal of Marriage and the Family*, 64(3): 558–567.

Connidis I.A. (2015) Exploring Ambivalence in Family Ties: Progress and Prospects. *Journal of Marriage and the Family*, 77(1): 77–95.

Luescher K., Pillemer K. (1998) Intergenerational Ambivalence: A New Approach to the Study of Parent-child Relations in Later Life. *Journal of Marriage and the Family*, 60(2): 413–425.

Lüscher K. (2002) Intergenerational Ambivalence: Further Steps in Theory and Research. *Journal of Marriage and the Family*, 64(3): 585–593.

Merton R.K., Barber E. (1963) Sociological Ambivalence. In: Tiryakian E. (eds.) *Sociological Theory: Values and Sociocultural Change: Essays in the Honor of Pitirim A. Sorokin*. New York: Free Press: 91–120.

Pillemer K., Lüscher K. (2004) *Intergenerational ambivalences: New perspectives on parent-child relations in later life*. New York: Elsevier.

Источники

Толстой Л.Н. (2022) *Анна Каренина*. М.: Эксмо.

AMBIVALENCE IN YOUNG PEOPLE'S GENDER WORLDVIEW: RESEARCH FROM 1996 TO 2023

Natalia Nechaeva (n_nechaeva@yahoo.com)

The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Citation: Nechaeva N. (2024) Ambivalence in young people's gender worldview: research from 1996 to 2023. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(4): 123–148 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.5> EDN: KTZOJD

Abstract. The article examines the transformation of the contradictory youth gender worldview, which contains features of both traditional and modern egalitarian views on men's and women's positions in the family and in society. The empirical base of research consists of studies done by the author in 1996, 2007, 2014 and 2023. Each model's structure is represented by three levels — gender ideals, general dispositions and situational attitudes. Research results show that these structural levels change heterochronically, but consistently. An analysis of group and individual contradictory gender consciousness is carried out. The article proves that there is no polarization of opinions held by different groups of young people about gender equality in families and in society. Ambivalence as a characteristic of youth gender worldview is examined. The contradiction of individual gender consciousness is reflected in syndromes of different degrees of incompatibility — in ambivalent and quasi-ambivalent ideas about gender views. An approach of studying and measuring ambivalence on different levels of gender

worldviews is proposed. It's established that the 1996–2014 observation period saw a gradual increase in the number of those who hold ambivalent gender and family views. By 2023 a new transformation trend is identified in regards to general dispositions and especially situational attitudes. There is a sharp drop of those who hold contradictory views and a simultaneous increase of the number of people who support gender equality in the family and in society. All this suggests that the examined period is a transitional stage of ambivalent gender consciousness.

Keywords: gender worldviews, ambivalence, gender ideals, general dispositions, situational attitudes.